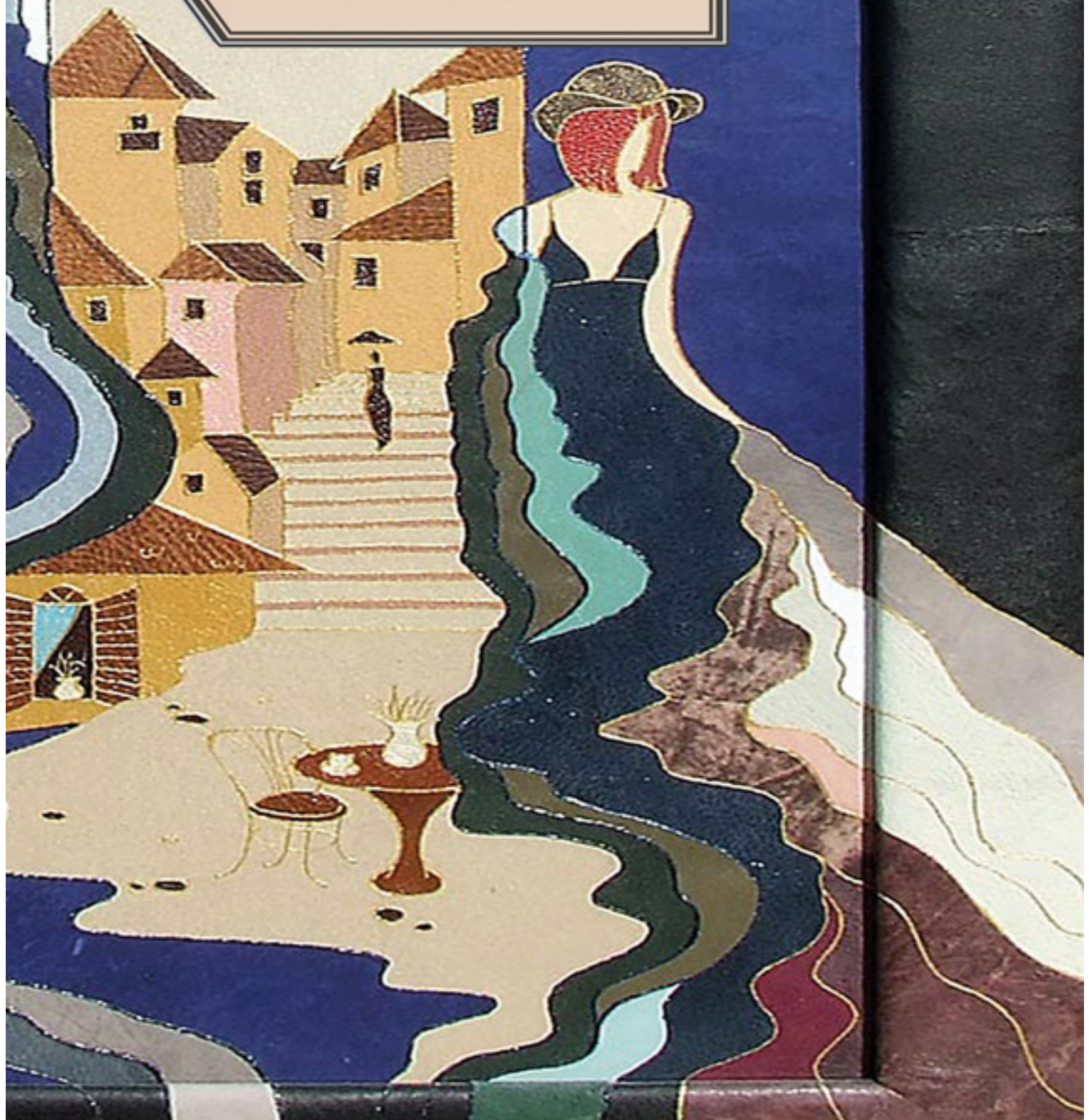


Андрей Цыганов

**Речь через
завесу**



Андрей Цыганов
Речь через завесу. Стихи

«Э.РА»

2013

Цыганов А.

Речь через завесу. Стихи / А. Цыганов — «Э.РА», 2013

Андрей Цыганов родился в 1983 г. в академгородке Пушкино под Москвой, в семье ученых. Выпускник МИФИ. В настоящее время после защиты диссертации живет и работает в Европе. Сборник стихов «Речь через завесу» – это первая книга автора. В его стихах мысли и восприятие незримого, тающего, все время ускользающего от взгляда мира, который то появляется, то исчезает, и только голос и слово силятся найти верное отражение этих картин.

© Цыганов А., 2013

© Э.РА, 2013

Содержание

Пасха во Флоренции	6
Зарисовка: Поезд. Незнакомка	7
Часы секундной стрелкой отмеряют что-то ...	8
Я вглядываюсь в темноту во мне...	9
Мой автобус следует по трассе...	11
Не четкостью слога, не жирностью точки...	14
В Риме давным – давно, пожалуй, что в прошлой жизни ...	15
Играют джаз, подвал здания...	16
Белая комната – черным обоям...	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Андрей Цыганов

Речь через завесу

стихи

«Этот сборник стихов есть результат моего творчества, начиная с тринадцати лет. Не так много стихотворений осталось с того раннего времени, но какие-то стихи, родившись тогда, прошли сквозь все эти годы почти неизменными, и даже часть из них вошла в эту рукопись, а хороши они или плохи – мне не так-то просто оценить. Спасибо, что Вы открыли эту книгу.»



И еще: спасибо всем тем, кто помогал и помогает мне на жизненном пути, и без кого эта книга вряд ли бы сстоялась. В первую очередь моим родителям, брату и близким, а также друзьям, особенно Валере Шахбазяну, Ане Севортьян и Владимиру Трошину».

Андрей Цыганов

Пасха во Флоренции

Проста погода, без лукавства,
не моросит, но и не греет.
Собор и баптистерий – Пасха,
католик празднует еврея
в век эволюции христианства.

Река людей течет по пьянице,
мелькают лица, бедра, арки,
ветшают улочек изнанки,
в такт карусельному эрзацу
шныряют по толпе цыганки.

Давид не внемлет фотовспышке,
его глаза остекленели.
Венеры томны в башни вышке,
старик раввин давно не дышит,
висит в картинной галерее.

Века прошли – мне это снилось.
Путеводитель на закладку.
Тут все давно уже случилось,
лишь крыши стройно держат кладку
от возрождения к упадку.

Терраса, плотный запах неба,
вдали торчит какой-то купол.
Безвременье. И я здесь не был.
А что осталось? – только небыль
и птицы – вечный Божий рупор.

Развеян дым и улетает,
торговец маслом драит склянки.
Пасхальный саван тихо тает,
по улице бредут цыганки, бредут
и выручку считают.

Зарисовка: Поезд. Незнакомка

Тамбур поезда для поэзии снов.
Для чтения – смерч переезда.
Стихи прорастают совестью слов.
Велика плата проезда.

Многих много куда-то едущих,
Вереницы людей-странников.
Каждый делом своим ведающий,
Стережет свой мир от охальников.

Незнакомка напротив шуруется,
Изучая глазами сближенного.
Спрятаться от глаз, зажмуриться,
Душит взгляд ее черней выжженного.

У нее своя печаль дождиком,
У нее своей жизни меты.
Если б был я в миру художником,
Рисовал бы ее портреты.

Небосвод в пыли околдован,
Мысли роем летят в прострации,
Каждый к месту, как гвоздь прикован,
В ожиданье конечной станции.

Паутинками нитей лепит
Не Праведная и не Обманная,
Влево-вправо мотает, слепит
Жизнь-дорога обетованная.

Часы секундной стрелкой отмеряют что-то ...

Часы секундной стрелкой отмеряют что-то,
похожее на время и, возможно,
отмерили бы точное, но сложно.

Щелк – и через мгновение – щелк —
одни настенные, другие на столе.
Щелк – и в ответ, как эхо – щелк —
волна разносится частицей и во мне
вращает электроны в ритме терций,
и, напрягаясь слухом в декабре,
проскальзывает тихо в ум и сердце.

А на столе стоят конфеты, пьется чай,
а может быть еще пока что кофе,
а на стене портреты и вуаль
от прошлого, и прошлого заботы.
Висят портреты, взор из-под стекла
такой таинственный, и все, что невозможно,
описывают блеклые слова,
которые отточено-серьезно
ведут по переулкам декабря
к ступеням лестницы в покрашенном подъезде,
и вместе с ним стучатся погода,
в пространство времени, побуквенно идя.

Часы настенные и на столе одни,
щелчки того, что называют время,
секундных стрелок шепот – погоди —
приносит в жизнь таинственное зрение
и знание, которое дано
услышать нам, и, как бы в назидание,
проводники проносят в мироздание,
сквозь воздух, лишь слова и отставание.

Я вглядываюсь в темноту во мне...

я вглядываюсь в темноту во мне,
она трещит, расходится в каньоны.
исследует души своей районы
мой глаз, уже насытившись извне.

щель между двух миров, как бесконечность,
совсем неясно где-то проступает,
и пустота объемностью зияет,
определяя, что такое вечность.

здесь прорастает лес, я в нем гулял,
грибы, шиповник, красным земляника,
любовь там не нашел, но потерял,
любовь звалась, я помню, Вероника

одно лицо сменяется другим,
я, кажется, кого-то даже знаю,
зло сотворенное свое припоминаю
с намерением, как водится, благим.

я внешнего для сходства не прошу,
колодец вечности все за меня решает,
он сам мне что-то мысленно вещает,
а я автоматически пишу.

вот появляется надгробная пыльнь,
на Соловки раскальвая сердце.
течет народ, свои и иноверцы,
рекой составов в дальний Сахалин.

то тут, то там вздымаются огни,
картина ширится, уже дымят заводы,
колонны маршируют, и они
идут стирать с лица земли народы.

и проступает весь двадцатый век
первоосновой нынешней скрижали,
где так звучало гордо Человек,
и где его весь век с землей мешали.

я вижу, как темнеет небосвод,
последний праведник, отдав свои одежды,
заходит в микву, он вернет собой, как прежде,
земле обратно грех людской и пот.

и он до дна доходит с головой,
проточных рек вода снимает кожу,
его несет течением, и все же,
на берег выпадет он нагой.

и тенью независимой за ним
жена его выходит из пучины,
и взглядом, обнимающим своим,
показывает все первопричины.

расширенный до крайности зрачок,
он привлечен печалью гробовою
и человечеством, заполнившим собою
крутящийся космический волчок.

Мой автобус следует по трассе...

I

Мой автобус следует по трассе.
Фонари мелькают. Вдоль лесочек.
И поток, в какой-то общей массе,
из цветных, неразличимых точек.

Я купил билет свой захудалый.
Черным в нем проставленная дата.
Мой автобус тронулся усталый,
в девять-двадцать, вечером когда-то.

Раньше был он – новенький Икарус,
но пахуч, как Авгиево стойло.
А теперь с ним что-то видно случилось,
и почти что выглядит пристойно.

Путь проходит скомкано отсюда,
от начала – к пункту назначения,
как отростки кровяных сосудов,
ответвления времени течения.

Вот, мне кажется, я знаю это место.
Я здесь был зачем-то или буду.
Образ лепится из облачного теста
и какой-то тьмы, из ниоткуда.

За стеклом проносятся пейзажи.
В мире все по принципу подобия.
Человек здесь человека гаже,
И поля – всеобщие надгробия.

Очень трудно встретить добродетель
по стране обставленной как зона.
Здесь мутации обычны тех, кто светел,
от нехватки, видимо, озона.

II

Я стою у входа Пантеона.
Где-то в прошлом. Едет колесница.

Трупы предков – времени основа.
Проступают в муках чьи-то лица.

Достигая жуткого предела,
я живым иду за занавеску,
заглянуть в сокрытые уделы,
натянув свою судьбу, как леску.

Наше прошлое – предтеча для сегодня.
Мы – не просто будущего камень.
Ничего не смыслим мы в Господнем,
рефлексивно повторяя: «Амен».

И, когда вдруг надоест потеха,
если тут ты не успеешь спиться,
умереть возможно, ради смеха
в плоть вписавшись воина-финикийца.

А потом ты станешь полководцем.
А потом ты станешь Римским Папой.
А потом родишься вдруг японцем.
А закончишь – мишкой косолапым.

И пойдешь ловить форель в предгорье.
И забудешь, что судьба незрима.
И когда в пространство канет горе,
возвратишься в пригороды Рима.

III

Мне вчера открылось это знание.
И сегодня жду посадки в зале.
Этот рейс уходит в мироздание,
так сказали на автовокзале.

IV

В пункте А справляют панихиду.
В пункте Б давно все веселятся.
Мой автобус, движущий планиду,
у Творца проходит между пальцев.

Пес в моей квартире вислоухий.
Это в будущем. А нынче легкой птицей
лист в саду свалился к небу брюхом,

за предел шагнув самоубийцей.

Не четкостью слога, не жирностью точки...

Не четкостью слога, не жирностью точки,
Не в стройных теплицах возрастают стихи.
До боли, до крови, разодранной в клочья,
Пронзают и штопают душу они.

До боли, до крови, врастающий в землю,
И тянущий руки поднять в небеса,
Всю правду и ложь каждодневно приемлет
Учившийся верить всю жизнь в чудеса.

И пишущий болью своей на бумаге,
И сам удивляясь картине своей.
Так мерно ступает по лунной дороге,
Пытаясь достигнуть покоя на ней.

В Риме давным – давно, пожалуй, что в прошлой жизни ...

в Риме давным-давно, пожалуй, что в прошлой жизни,
бывала она в кино, тоскуя чуть-чуть по отчизне,
истоптанный Колизей, остаток чужих историй,
здесь вовсе не Коктебель, иные совсем устои,
здесь форум уводит взгляд к далеким истокам сути,
здесь «тысячи лет назад» застыли в какой-то ртути,
здесь было и есть вино, олива растет у дома,
и что-то в районе шести быть нужно у Ипподрома,
и после, когда заря окрасит тугие арки,
пересчитать нельзя в шкатулке своей подарки,
на ниточку нанизав живые доселе бусы,
и ложечку облизав от пенки, кофейный вкус и
ручная охапка роз, в копне утопают пальцы,
остаток житейских грез,
ложатся года, как сланцы,
и слово за словом стансы.

Играют джаз, подвал здания...

Играют джаз, подвал здания.
Я нем – слушаю.
Немота моя от незнания,
Я просто звуком дышу.

Гармоники неведомые,
Звуков капельный храм.
За блаженства мгновение,
Что я взамен отдам?

Белая комната – черным обоям...

Белая комната – черным обоям.
Белая кожа – для черных одежд.
В мире безумном минута покоя
Неотделима от наших надежд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.